

Ю. И. Семенов

ЕЩЕ РАЗ О МАТЕРИНСКОМ РОДЕ И БРАЧНЫХ КЛАССАХ

Моя статья «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа)»¹ положила начало целой дискуссии. Первым откликнулся М. А. Членов², вслед за ним — А. М. Хазанов³. Мои ответы⁴ не удовлетворили названных авторов, и они снова выступили с возражениями⁵. Позднее в дискуссию включился М. В. Крюков⁶.

Все упомянутые выше авторы рассматривают разные вопросы, что вынуждает нас отвечать каждому отдельно.

I

Так как приоритет в открытии дискуссии принадлежит М. А. Членову, то с его статьи я и начну.

В моей исходной статье в числе других разбирался вопрос о причинах раннего возникновения отцовского рода у австралийцев. Мной была предложена схема этого процесса, которая в качестве необходимого момента включала появление одновременно с отцовским родом системы четырех брачных классов. Эту схему и попытался опровергнуть в своей первой статье М. А. Членов. При этом он исходил из положения, что «перенесение логической модели в реальность становится правомерным только в том случае, если доказано, что данная модель является теоретически единственно возможной» (1, стр. 70), считая его само собой разумеющимся. Если этот тезис перевести на более понятный язык, он означает, что то или иное теоретическое построение может претендовать на истинность только в том случае, если оно является единственно возможным.

Исходя из этого положения как методологической основы, М. А. Членов предложил свою собственную схему возникновения брачноклассовой организации. И на одном только этом основании он сделал вывод, что наша схема ничего не дает для решения проблемы (1, стр. 71).

¹ «Сов. этнография», 1970, № 5 (в дальнейшем ссылки на эту статью, а также на статьи М. А. Членова, А. М. Хазанова и М. В. Крюкова даются в тексте, например, — Семенов, 1. Когда принадлежность статьи ясна из контекста, фамилия опускается).

² М. А. Членов, Можно ли считать «австралийскую контроверзу» разрешенной?, «Сов. этнография», 1971, № 4 (Членов, 1).

³ А. М. Хазанов, Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичности материнского рода, «Сов. этнография», 1973, № 1 (Хазанов, 1).

⁴ Ю. И. Семенов, Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии, «Сов. этнография», 1971, № 6 (Семенов, 2); его же, О материнском роде и оседлости в позднем палеолите, «Сов. этнография», 1973, № 4 (Семенов, 3).

⁵ М. А. Членов, Еще раз об австралийской контроверзе и методике ее рассмотрения, «Сов. этнография», 1974, № 6 (Членов, 2); А. М. Хазанов, О связи линейности и локальности с образом жизни. Там же, (Хазанов, 2).

⁶ М. В. Крюков, Дает ли система брачных классов ключ к разгадке «австралийской контроверзы», «Сов. этнография», 1974, № 3 (Крюков).

Прежде всего следует сказать, что само методологическое положение, которым руководствовался М. А. Членов, вряд ли можно считать правильным. Существование нескольких теоретических объяснений одних и тех же явлений — дело совершенно обычное в науке. Установить, какое же из предложенных объяснений является истинным, можно лишь в процессе проверки их фактами, но не чисто логических рассуждений. Истинным признается такое логическое построение, которое объясняет все относящиеся к данной области факты и не находится в противоречии ни с одним из них.

Поэтому даже если бы схема, предложенная М. А. Членовым, была бы логически совершенно безукоризненной, то и в таком случае ее выдвижение, само по себе взятое, не явилось бы опровержением моей схемы. Нужно подтверждение фактами. Но эта схема далеко не безукоризненна в чисто логическом отношении, не говоря уже о соответствии с этнографическим материалом.

Схема эта, носящая чисто формальный характер, предполагает существование двух стадий. Первая из них характеризуется наличием двух отцовских родов, связанных отношениями группового дислокального брака. Это допущение чисто произвольно. Никаких данных о существовании в прошлом такой организации автор не приводит. Далее М. А. Членов столь же произвольно вводит в схему переход к матрилокальности, который сразу влечет за собой возникновение брачных классов. Это вторая стадия.

Возражая М. А. Членову, я указал, что дело даже не в том, что нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о существовании в прошлом системы двух отцовских родов, связанных групповым дислокальным браком. Мной было показано, что существование такой системы вообще невозможно (2, стр. 102—105). И как же реагировал М. А. Членов на это во второй своей статье? Стал доказывать, что такая организация могла существовать? Нет. «Ю. И. Семенов, — признает он, — справедливо упрекнул меня в попытке декларировать существование системы двух отцовских родов, связанных групповым дислокальным браком. Я полностью согласен, что гипотеза о дислокальном браке излишня как применительно к данному рассуждению, так, по моему мнению, и вообще в теории первобытности» (2, стр. 54). М. А. Членов, таким образом, признает справедливость моих доводов против первого этапа его схемы. И то обстоятельство, что его отказ от начального этапа этой схемы сопровождается декларацией об «излишности» допущения дислокального брака вообще, ничего не меняет. В отличие от системы двух отцовских родов, которая невозможна, система двух материнских родов, связанных дислокальным групповым браком, вполне возможна, что признает и сам М. А. Членов (2, стр. 57).

Так как схема развития, предложенная М. А. Членовым, включает лишь две стадии, отказ от первой из них означает признание несостоятельности всей схемы в целом. Но, может быть, он, отказываясь от старой схемы, предлагает новую? Внешне это выглядит именно так. «Вполне достаточно, — пишет он, — в качестве исходного пункта предположить два патрилинейных рода либо с произвольной локальностью, либо с матрилокальными правилами послебрачного поселения» (2, стр. 54). Вводя новую начальную стадию, автор сохраняет в качестве второй ту же самую, что была в первой схеме. Предлагаемые два варианта исходной стадии (один с произвольной локальностью брака, другой — с матрилокальностью) М. А. Членов рассматривает как равнозначные. Но нетрудно заметить, что при втором из них начальная стадия совпадает с заключительной. И в результате никакого выведения системы брачных классов из предшествующего состояния, когда этой системы не было, не получается. Что же касается первого варианта, то его вообще нельзя принять всерьез, ибо М. А. Членов никак не поясняет, что же

нужно понимать под произвольной локальностью, и не делает ни малейшей попытки набросать хотя бы схему общественной организации, характеризующейся такой локальностью. Таким образом, никакой, даже «формальной порождающей схемы» у М. А. Членова не получилось ни в первой, ни во второй статье.

В своей первой статье тезис о возникновении брачноклассовой организации в результате сочетания патрилинейности и матриликальности М. А. Членов пытался подтвердить ссылкой на факты. Отвечая ему, я указал, что из четырех названных племен сочетание патрилинейности с матриликальностью отмечено только у одного — *мундуруку*, причем у последнего не обнаружено ни зачатков, ни пережитков брачноклассовой организации. Мною было подчеркнуто, что науке не известен ни один случай существования брачных классов при сочетании патрилинейности и матриликальности. М. А. Членов даже не попытался оспорить этих положений, признав тем самым их справедливость. Указал я также, что и сочетание патрилинейности с патрилокальностью, само по себе взятое, еще не порождает брачных классов. Известно много народов с материнским родом и патрилокальным браком, но без каких-либо следов брачных классов. Все эти данные не мог в какой-то степени не принять во внимание и М. А. Членов. «Я не буду утверждать, — пишет он, — что эта разница (линейности и локальности. — Ю. С.) является решающим условием для возникновения брачных классов вообще» (2, стр. 54). Однако это не мешает ему буквально тут же отстаивать концепцию, в которой данное различие не просто решающий, а единственный фактор, вызывающий появление брачных классов.

И вообще более чем странной представляется сама по себе вся логика рассуждения автора. В самом деле, М. А. Членов фактически признал справедливость наших доводов против начального этапа его схемы и отказался от него, а тем самым и от всей схемы в целом, фактически согласился с тем, что его главная идея не имеет под собой никакого фундамента. И вдруг он задает вопрос: «Что не устраивает Ю. И. Семенова в этой схеме? Видимо, то, что исходным пунктом является отцовский род, так как на основании работ самого же Ю. И. Семенова известно, что первоначальной формой социальной организации человечества была дуальная материнско-родовая система при господстве дислокального брака... Здесь мы впервые сталкиваемся с системой доказательств, идущей по замкнутому кругу. Существует выдвинутая гипотеза, в которой ход эволюции представляется таким-то и таким-то образом. В рамках этой гипотезы утверждается, что существовало определенное явление. Автор гипотезы развивает ее дальше для доказательства того, что данное явление действительно существовало, и пытается обосновать это ссылками на саму же гипотезу! Подобного рода система аргументации порочна по существу» (2, стр. 53, 54).

Вся эта длинная тирада порождена противоречием между невозможностью опровергнуть мои доводы, с одной стороны, и стремлением убедить читателя, что все эти доводы успешно опровергнуты — с другой. На подмене опровержения видимостью опровержения построена собственно вся вторая статья М. А. Членова.

Помимо явно неудавшейся попытки опровержения предложенной мною схемы путем создания собственной М. А. Членов в первой статье выдвинул и целый ряд прямых возражений против моей схемы. В частности, он упрекнул меня в том, что я лишь вскользь говорю о переходе к патрилокальности (1, стр. 68). В ответе я указал, что в моей исходной статье переходу к патрилокальности было уделено особое внимание, и в доказательство сослался на соответствующие страницы. Но, по-видимому, для М. А. Членова этого оказалось недостаточно. Вероятно, мне надо было процитировать хотя бы несколько мест из статьи, в которых

говорилось о переходе к патрилокальности. Я этого не сделал, и в результате во второй статье М. А. Членова появилось утверждение, что о переходе к патрилокальности в моей статье вообще прямо не говорится, что об этом можно только догадываться. Приведа одно место из моей статьи, М. А. Членов пишет: «Здесь, правда, ничего не говорится о патрилокальности, но проницательный читатель может понять, что раз мальчики остаются в локале, то девочкам из локаля придется уйти» (2, стр. 54). Однако в действительности никакой проницательности от читателя не требуется. Чуть ниже приведенного места в статье прямо указывается, что «оставление мужчин внутри локалей должно было иметь своим неизбежным следствием переход женщин из одного локаля в другой. Переход в другой локаль происходил со вступлением в брак» (Семенов, 1, стр. 66). Что может быть яснее? Еще ниже: «Брак и в нашей теоретической схеме, и в действительности у австралийцев был патрилокальным» (Семенов, 1, стр. 68). Вряд ли нужно цитировать дальше.

Приписывая мне намерение по возможности прямо не говорить о переходе к патрилокальности, М. А. Членов объясняет его тем, что этот переход в условиях группового брака выглядит крайне странным, необъяснимым (1, стр. 69). Однако, согласно моей схеме, этот переход произошел в условиях не группового, а уже парного брака, о чем и было сказано в моем ответе М. А. Членову (2, стр. 109). Казалось бы, что М. А. Членову проще всего было проверить мое утверждение, а затем, в зависимости от результата, либо признать свою ошибку, либо уличить меня в искажении истины. Однако ничего подобного он не делает. Он снова повторяет свое утверждение, сопровождая его целой серией рассуждений, не имеющих никакого отношения к этому вопросу (2, стр. 55).

В своей последней статье М. А. Членов немало места уделяет доказательству того, что у народов с материнским родом может существовать и существует индивидуальный брак. При этом он делает вид, что опровергает положения, выдвинутые и отстаиваемые мною. Он пытается даже уличить меня в противоречии. «Ведь Ю. И. Семенов,— пишет он,— в своей схеме оперирует материнскими родами и тем не менее применяет к ним понятия отца и мужа, в которых они, по его собственному заверению, не нуждаются» (Членов, 2, стр. 53).

Но я никогда не доказывал и не собирался доказывать, что материнский род не совместим с индивидуальным браком. Существование такого брака у всех, без исключения, народов, известных этнографии, в том числе и тех, у которых был материнский род,— факт, который я никогда и нигде не ставил под сомнение. В своей статье я утверждал совсем иное, а именно: если «патрилинейная группа без индивидуального брака существовать не может», то «существование матрилинейной группы не предполагает с необходимостью наличия брачных отношений между индивидами» (2, стр. 104). Я намеренно привел те самые места из статьи, которые были процитированы М. А. Членовым. И они не допускают двойного толкования. В них отнюдь не утверждается, что индивидуальный брак не совместим с материнским родом. В них говорится только, что существование материнского рода без индивидуального брака возможно, а отцовского — невозможно.

Согласно моей точке зрения, материнский род не только мог существовать без индивидуального брака, но и на самом раннем этапе своего развития действительно существовал без него. В дальнейшем на определенной стадии эволюции того же самого материнского рода возник индивидуальный брак (Семенов, 1, стр. 60, 61). И вполне понятно, что начиная с этого момента применение к материнско-родовому обществу понятий и «мужа», и «отца» становится не только возможным, но и необходимым.

Следует сказать, что М. А. Членов не мог не чувствовать крайней слабости своих позиций. От выдвинутой им схемы развития пришлось фактически отказаться. А ведь на ней, собственно, и была построена вся система опровержения. Несостоятельными оказались и все прямые доводы против предложенной мной схемы эволюции. «Модель, предложенная Ю. И. Семеновым,— вынужден был признать М. А. Членов (2, стр. 57),— возможно, не хуже любой другой; более того, возможно, что именно так и было...». По-видимому, это и побудило М. А. Членова объявить, что моя схема не имеет существенного значения для решения вопроса о характере первоначального рода у австралийцев. Причем он утверждает, что именно такого мнения придерживаюсь я сам. Доказательства? Вот они. В моем ответе на его первую статью было сказано, что в исходной работе «матрилинейный характер первоначального рода аборигенов Австралии обосновывается вовсе не методом создания чисто формальных моделей» (2, стр. 102). Это утверждение М. А. Членов толкует как признание мной того, что предложенная схема не является «центральным моментом доказательства» (2, стр. 52), «на самом деле носит подчиненный характер» (2, стр. 52) и т. п. И без каких-либо последующих доказательств далее утверждает: «Мы уже выяснили, что формальная схема не являлась для Ю. И. Семенова решающим аргументом в пользу существования у австралийцев изначального материнского рода, а лишь иллюстрировала его общие теоретические положения, в основе которых лежала посылка об универсальности материнского рода как изначальной стадии общественного развития» (2, стр. 55).

В действительности моя позиция не имеет ничего общего с той, которую М. А. Членов пытается мне приписать. Слова о том, что в моей статье первичность материнского рода у австралийцев доказывалась вовсе не методом создания чисто формальных моделей, отнюдь не означают, что предложенная схема не является средством доказательства данного положения. Просто имелось в виду, что эта схема не является формальной. Не надеясь (и, как оказалось, совершенно правильно) на проницательность всех читателей, я специально это подчеркнул. «Представляя собой обобщение фактического материала, наша схема,— писал я,— является не чисто формальной, как это утверждает М. А. Членов, а содержательной. В отличие от той, которую пытался создать М. А. Членов, в нашей схеме отсутствуют ни на чем не основанные произвольные допущения» (2, стр. 108). Любая содержательная схема представляет ценность лишь постольку, поскольку она находит подтверждение в фактах. И вполне понятно, что большое внимание в моей статье было уделено именно фактическому обоснованию развиваемой в ней концепции. Приводя данные, говорящие в пользу этой схемы, я тем самым обосновывал и положение о первичности материнского рода у австралийцев. Совершенно очевидно, что я не пренебрегал и фактами, непосредственно свидетельствовавшими в пользу последнего тезиса. Были использованы все методы доказательства, исключая лишь тот, который пытается во что бы то ни стало приписать мне М. А. Членов в своей второй статье,— а именно тот, который в логике получил наименование «порочного круга».

В частности, М. А. Членов уверяет, что именно такой прием был использован мной для доказательства того, что из двух сосуществовавших у австралийцев филиаций первичной была материнская (2, стр. 55—56). Что ж, рассмотрим, какие в действительности аргументы были мной приведены.

Первый из них состоял в том, что «по самой своей структуре материнский род более архаичен, чем отцовский» (2, стр. 108). М. А. Членов возражает: «Первый аргумент, как известно, оспаривается многими исследователями, не только зарубежными, но и советскими» (2, стр. 56). Далее следует ссылка на две работы. Однако ни один из названных им

авторов не занимался сравнительным анализом внутренней структуры материнского и отцовского родов и не высказал своего мнения по этому вопросу. Они просто утверждали, что нельзя рассматривать материнский род как первоначальный, а отцовский как более поздний. М. А. Членов имел бы полное основание ссылаться на их труды, если бы мой аргумент заключался в утверждении, что материнский род является более древним, чем отцовский. Но в таком случае мы имели бы дело вовсе не с аргументом, а с самым доказываемым тезисом, и М. А. Членов был бы вправе упрекнуть меня в методе доказательства по принципу порочного круга. Однако в действительности я утверждаю иное, а именно, что по своей внутренней структуре материнский род более архаичен, чем отцовский. Доказательству этого положения я уделил много места в ответе М. А. Членову (2, стр. 103—105). Не желая повторяться, укажу лишь, что большую архаичность материнского рода по сравнению с отцовским я вижу в том, что первый мог существовать без индивидуального брака, а второй — не мог. Иначе говоря, материнский род мог существовать на стадии, характеризующейся наличием одного лишь группового брака, а отцовский не мог, его возникновение стало возможным лишь с появлением парного брака. Существует огромное количество фактических данных, которые свидетельствуют о существовании в прошлом группового брака и его большей древности, по сравнению с индивидуальным. Свидетельствуя об этом, они тем самым говорят и о большей древности материнского рода в сравнении с отцовским. Конечно, мою аргументацию можно оспаривать, но никакого порочного круга в ней нет. И кстати, никто ее пока не попытался оспаривать, не исключая М. А. Членова.

Второй мой аргумент состоял в том, что «науке не известен ни один случай перехода от отцовской филиации к материнской, в то время как зарегистрировано множество примеров обратного движения» (2, стр. 108). Опровергая его, М. А. Членов ссылается на исследование М. Джаспена, в котором, по его словам, описан совершившийся в 30-х годах XX в. у 18 южносуматранских этносов переход от отцовского рода к материнскому. Увы, и здесь мы имеем дело не с действительным опровержением, а с созданием видимости опровержения.

Прежде всего, в книге М. Джаспена описываются изменения общественной структуры лишь одного этноса — *реджанг*. Такие же изменения, трактуемые автором как переход от «патрилинейной организации к матрилинейной», произошли, по его утверждению, в те же самые 30-е годы XX в. еще у нескольких народов. В тексте книги упоминается лишь шесть таких этносов (не считая *реджанг*)⁷, причем об одном из них (*кисим*) чуть ниже сообщается, что счет родства у него остался для автора неясным⁸. Как признает автор, неясным для него остался и счет родства у *киким*⁹, что, правда, не помешало ему поместить на карте этот народ среди тех, что перешли от патрилинейности к матрилинейности¹⁰. Кстати сказать, на той же самой карте упоминавшиеся выше *кисим* отмечены как этнос, у которого матрилинейная организация существовала еще до 30-х годов. Относительно *семендо* мы узнаем, что по крайней мере последние три века у них существовали материнские роды. Автор предполагает, что когда-то у них существовала патрилинейная организация, но никаких доводов в пользу такого предположения не приводит¹¹.

⁷ M. A. J a s p e n, From patriliney to matriliney. Structural change among the Redjang of Southwest Sumatra, v. I—II, 1964, p. 359.

⁸ Там же, стр. 363.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 2.

¹¹ Там же, стр. 360—363.

Далее, как указывает сам М. Джаспен, по вопросу о характере изменений, происходивших у *реджанг*, существуют разные точки зрения. Крупнейший индонезийский исследователь Хазаирин в опубликованной в 1936 г. работе о *реджанг* утверждал, что эволюция общественной организации этого народа шла от материнского рода к отцовскому и от него к билатеральной организации¹².

Но самое главное состоит в том, что если даже принять на веру все приводимые М. Джаспеном данные, то и тогда нарисованный им переход *реджанг* от патрилинейности к матрилинейности никак не может быть истолкован как смена отцовского рода материнским. Если верить данным М. Джаспена, у *реджанг* действительно в прошлом существовали подлинные отцовские роды, характеризовавшиеся унилинейностью и экзогамией¹³. К настоящему времени они исчезли. Но материнские роды на смену им не пришли. Сейчас у *реджанг* нет ни отцовских, ни материнских родов. У них существуют объединения, именуемые М. Джаспеном «кланами». Эти «кланы» делятся на «субкланы», а последние на «линиджи». Но ни одна из названных групп не может быть охарактеризована как род. Ни одна из них не является ни унилинейной, ни экзогамной¹⁴. Принадлежность человека к той или иной группе зависит от формы брака его родителей. При одной форме брака (*belékét*) человек причисляется к группе отца, при другой (у семендо) — к группе матери. В результате часть членов группы входит в нее потому, что к ней принадлежали их отцы, а другая часть — в силу того, что к ней принадлежали их матери. Таким образом, матрилинейность и патрилинейность, существующие в настоящее время у *реджанг*, не представляют собой филиации, т. е. счета принадлежности к экзогамной группе по одному из родителей¹⁵. Группировки, подобные тем, что ныне существуют у *реджанг*, не представляют собой уникального явления. Они принадлежат к тому роду объединений, которые в зарубежной этнографии получили название «неоднолинейных» родственных групп. К настоящему времени о такого рода объединениях существует обширная литература¹⁶. Но М. Джаспен указывает, что в обществе *реджанг* принадлежность к группе по отцу становится все более редким явлением, а принадлежность к ней по матери — все более частым. Не логичным ли будет предположить, что этот процесс завершится возникновением чисто матрилинейных групп, обладающих всеми признаками родов? Весь материал, приводимый М. Джаспеном, дает основание только для отрицательного ответа. Параллельно с отмеченным М. Джаспеном сдвигом шел неуклонный процесс исчезновения экзогамии. Вначале перестали быть экзогамными кланы, затем субкланы и, наконец, линиджи. Сейчас брак невозможен фактически лишь между родными братьями и сестрами¹⁷. Иначе говоря, к настоящему времени экзогамия в обществе *реджанг* практически исчезла. Не являются экзогамными и те объединения,

¹² Hazairin, *De Redjang: de Volksordening, het verwantschapshuwelijks — en erfrecht*, Bandung, 1936. Взгляды Хазаирина изложены: М. А. Жаспан, Указ. раб., стр. 152.

¹³ М. А. Жаспан, Указ. раб., стр. 141—150.

¹⁴ Там же, стр. 150, 257, 319, 342, 356—358.

¹⁵ См. об этом Ю. И. Семенов, Происхождение брака и семьи, М., 1974, стр. 161—162, 231—232.

¹⁶ W. H. Goodenough, A problem in Malayo-Polynesian social organisation, «American Anthropologist», vol. 57, № 1, pt. 1, 1955; R. Firth, A note on descent groups in Polynesia, «Man», vol. 57, art. 2, 1957; W. Davenport, Nonunilinear descent and descent groups, «American Anthropologist», vol. 61, № 4, 1959; M. Ember, The nonunilinear descent groups of Samoa, Там же, vol. 61, № 4, 1959; N. L. Solien, The nonunilinear descent group in the Caribbean and Central America, Там же; R. Fox, Kinship and marriage, Harmondsworth, 1967.

¹⁷ М. А. Жаспан, Указ. раб., стр. 342.

которые М. Джаспен именует «матрилиниджами». В них поэтому нельзя видеть не только материнских родов, но даже и зачатков таких родов.

Таким образом, вопреки утверждению М. А. Членова мой аргумент остается в силе: науке не известен ни один случай перехода от отцовского рода к материнскому. И вполне понятно, что применение его не имеет ничего общего с доказательством по принципу порочного круга.

Третий мой аргумент состоял в том, что «во всех известных обществах с двойной филиацией патрилинейность представляет собой явление более позднее, чем матрилинейность» (2, стр. 108). «Кем доказано? — парирует этот аргумент М. А. Членов. — Соответствующих ссылок в работе Ю. И. Семенова мы не находим. Нельзя же действительно делать такой вывод на основании цитаты из Дж. П. Мердока... Следовательно, и третий аргумент навеян скорее теоретическими воззрениями автора, нежели анализом конкретного материала» (2, стр. 56, 57).

Мне совершенно непонятно, почему М. А. Членов так легко сбрасывает со счета мнение Дж. Мердока, категорически утверждавшего, что «во всех обществах с вполне развитой двойной филиацией матрилинейные родственные группы возникли первыми, а правило патрилинейной филиации представляет собой явление, развившееся вторично»¹⁸. Ведь совершенно очевидно, что этот вывод никак не мог быть навеян теоретическими воззрениями автора. Как хорошо известно, Дж. Мердок всегда был противником материнскородовой теории. На какой же основе этот вывод был сделан? На самой прочной — на базе анализа конкретного фактического материала. Дж. Мердок одним из первых специально занялся исследованием двойной филиации. Со дня появления первой его работы, посвященной этой проблеме, прошло 35 лет¹⁹. И в последующие годы он активно работал в этой области, уделяя, в частности, особое внимание вопросу о том, какая из двух сосуществующих в том или ином обществе филиаций представляет собой более раннюю, а какая более позднюю²⁰. Предложенное Дж. Мердоком решение этого вопроса в настоящее время в зарубежной литературе никем не оспаривается. Совсем неудивительно поэтому, что М. А. Членов в своей попытке опровергнуть его не смог опереться на мнение не только столь же авторитетного в этой области исследователя, но и вообще ни одного специалиста. Не смог он привести и фактических данных. Упрекая меня в отсутствии «соответствующих ссылок», сам он предпочел вообще обойтись без каких-либо доказательств. По-видимому, он полагает, что читатели ему обязаны верить на слово. Таким образом, выдвинутое нами в качестве третьего аргумента положение в достаточной степени обосновано. И опять-таки тот же самый вопрос: где же здесь аргументация по принципу порочного круга?

Кстати сказать, в своей статье при решении вопроса о том, какая же из двух существовавших в австралийском обществе филиаций более древняя, я вовсе не ограничивался лишь тремя приведенными выше общими аргументами. Я использовал конкретные материалы по этнографии австралийцев, достаточно убедительно, на мой взгляд, свидетельствующие о том, что материнский род у них более древний, чем отцовский (1, стр. 69, 70). М. А. Членов этих аргументов вообще не рассматривает. Почему? По-видимому, потому, что он не может их опровергнуть. И кроме того, что случилось бы тогда с его утверждением, что вся моя аргументация строится по принципу порочного круга?

¹⁸ G. P. Murdock, *Social structure*, N. Y., 1965, p. 218.

¹⁹ G. P. Murdock, *Double descent*, «*American Anthropologist*», vol. 42, № 4, pt. 1, 1940.

²⁰ G. P. Murdock, *Social structure*, p. 211, 212, 218.

II

В своей второй статье А. М. Хазанов старательно избегает основных пунктов, по которым у меня с ним шла полемика, сосредоточивая внимание на второстепенных моментах, а также поднимая вопросы, которые в его первой статье вообще не рассматривались. И это не случайно.

В самом деле, на что он претендовал в своей первой статье? На полное опровержение защищаемой мной концепции, необходимым моментом которой является положение об универсальной первичности материнского рода. И какое же средство он избрал для этого? Прежде всего он приписал мне взгляд, согласно которому причиной матрилинейности первоначального рода была оседлость (1, стр. 119). Из этого следовало, что краеугольным камнем моей концепции является тезис о всеобщем характере оседлости в эпоху верхнего палеолита. И этот краеугольный камень он попытался выбить. Основная часть его статьи была посвящена обоснованию того, что по всей ойкумене, исключая лишь Европу и, может быть, Сибирь, люди в верхнем палеолите вели не оседлый, а бродячий образ жизни. Правильность этого положения он объявил не подлежащей сомнению. Отсюда следовал вывод, что защищаемую мной концепцию можно считать полностью опровергнутой.

В своем ответе я указал, что никогда не рассматривал оседлость как причину матрилинейности первоначального рода и что поэтому вопрос о том, была ли оседлость в верхнем палеолите всеобщим явлением, или же наряду с оседлыми группами существовали и бродячие, не имеет принципиального значения для моей концепции. И даже более того — второе решение является более предпочтительным. А. М. Хазанов во второй статье даже и не пытается оспаривать справедливость моих слов. Утверждения о том, что я вывожу матрилинейность из оседлости, мы в ней больше не находим. Это можно понять только как признание его ошибочным. Но отказ от этого положения означает крушение всей системы аргументации. Ведь даже если бы А. М. Хазанову действительно удалось доказать, что по всей ойкумене, исключая Европу и Сибирь, господствовал бродячий образ жизни, то и это не означало бы опровержения моей концепции. Однако доказать это ему не удалось. Он использовал два приема для обоснования данного тезиса. Первый из них заключался в указании на условия среды, исключавшие, по мнению А. М. Хазанова, возможность существования у охотников и собирателей данного региона оседлого образа жизни. Для всех этих регионов мной были приведены примеры охотников и собирателей, которые вели переменнo-оседлый и сезонно-оседлый образ жизни (3, стр. 59—61). Второй — ссылка на работы археологов, в которых, по утверждению А. М. Хазанова, содержатся доказательства бродячего образа жизни верхнепалеолитических насельников того или иного региона. Я показал неточность всех этих ссылок. В одних работах на указанных страницах содержались лишь утверждения, что охотники и собиратели вели бродячий образ жизни, не сопровождаемые доказательствами, а в других — ни на указанных страницах, ни на других — подобных утверждений вообще не было (3, стр. 58—61). А. М. Хазанов во второй статье даже не пытается это опровергнуть. Он ограничивается заявлением, что «поскольку ссылки на соответствующую литературу имеются в подстрочных примечаниях к моей статье, любой желающий может сам проверить, кто из нас прав» (2, стр. 59). А ведь что могло бы быть проще? Трудно использовать цитирование для подтверждения того, что в данной работе отсутствуют те или иные положения. Но подтвердить путем приведения цитат наличие в работе тех или иных положений не представляет труда. И отказ от такого способа доказательства своей правоты равносителен признанию справедливости возражений. Собственно, А. М. Хазанов во второй статье уже и не настаивает на том, что осед-

лый образ жизни в позднем палеолите был ограничен лишь Европой и Сибирью. Он говорит лишь о том, что в верхнем палеолите наряду с оседлостью существовало и бродяжничество (2, стр. 59). Против такой точки зрения у меня нет возражений. Именно ее я и отстаивал в своем ответе А. М. Хазанову (3, стр. 61, 62).

Таким образом, во второй статье А. М. Хазанов фактически вынужден был снять основные положения, выдвинутые им в первой. И ему остается лишь упираться на то, что Ю. И. Семенов в своей исходной статье образ жизни в позднем палеолите характеризовал как оседлый, и трактовать признание его оппонентом в ответной статье сосуществования оседлости и бродяжничества в эту эпоху как существенное отступление от защищаемой им концепции.

В своем ответе А. М. Хазанову я уже отметил, что вопреки его утверждению никакой собственной концепции оседлости в позднем палеолите я не выдвигал. Я никогда не доказывал и не собирался доказывать всеобщего распространения оседлости в эту эпоху. О существовании оседлости в верхнем палеолите говорится в любом обобщающем труде по археологии. И я принял это положение, не вдаваясь в детали, не уточняя, в частности, было ли это явление всеобщим или нет, ибо, повторяю, то или иное решение вопроса не имело принципиального значения для развиваемой мною концепции первобытности. Статья А. М. Хазанова сделала необходимым уточнение моей точки зрения по этому вопросу. И я ее уточнил, что не потребовало от меня отказа ни от одного положения выдвинутой мной концепции.

Как известное отступление от моих первоначальных взглядов А. М. Хазанов пытается представить и введение мною дробной классификации образов жизни. В его изображении это столкнуло меня с «важным вопросом», который я постарался обойти (Хазанов, 2, стр. 58). В действительности же были затронуты совершенно незначительные детали моей схемы, которых не имело смысла касаться. И если я здесь эти детали рассматриваю, то только затем, чтобы положить конец такому толкованию.

Напомню, что в моей исходной статье были выделены три основных варианта эволюции. Это положение остается в силе. Первый вариант связан с вековой, годовой, переменной, а в некоторых случаях и с сезонной оседлостью. Бродячий, бродяче-оседлый, а в некоторых случаях и оседло-бродячий образы жизни влекли за собой (причем тем быстрее, чем более подвижным был образ жизни) с появлением избыточного продукта переход от системы двух материнских родов, связанных дислокальным групповым браком, к системе двух общин, каждая из которых состояла из мужской части одного материнского рода и женской части другого. И наконец, сохранение после этого перехода в течение крайне длительного времени бродячего (передвижно-бродячего и подвижно-бродячего) образа жизни могло привести к появлению наряду с материнским родом отцовского и соответственно системы брачных классов (третий вариант развития).

Непонятно, почему А. М. Хазанов пытается представить в качестве камня преткновения для моей концепции вопрос о влиянии на исходную дуально-родовую организацию переселения предков австралийцев из Юго-Восточной Азии в Австралию. На мой взгляд, в ходе его первоначальная дуально-родовая организация превратилась в упоминавшуюся выше систему общин. Община, состоящая из мужской части одного материнского рода и женской части другого, была не менее приспособлена к подвижному образу жизни, чем, скажем, локальная группа австралийцев XIX в.

И еще одно. В своей первой статье А. М. Хазанов заявил, что мною осталось совершенно не объясненным, каким же образом дислокальный брак мог сочетаться с подвижным образом жизни (1, стр. 120, 121).

В ответе я указал на ряд обычаев и легенд, которые позволяют представить, каким именно образом могли осуществляться половые отношения между раздельно проживающими мужчинами и женщинами. В-первых, группа представителей одного пола могла посещать места, где в данный момент находились представители другого, во-вторых, два материнских рода, связанные узами брака, могли время от времени сходиться на короткий период.

Стал ли после этого А. М. Хазанов доказывать, что дислокальный брак в принципе не мог сочетаться с подвижным образом жизни, что мне не удалось показать возможность их совмещения? Нет, не стал. Он занялся другим: стал утверждать, что предложенную мной интерпретацию названных обычаев нельзя считать доказанной. Но единственный его довод против предложенного мной истолкования обычаев типа улатиле состоял в том, что я не рассмотрел и не опроверг всех вообще возможных объяснений этих явлений. Перед А. М. Хазановым стояла гораздо более легкая задача — опровергнуть одно-единственное объяснение происхождения этих явлений — мое, показать его несоответствие с фактами. И он с этой задачей не справился. Не смог он предложить и какое-либо иное объяснение происхождения данных обычаев.

Вряд ли, на наш взгляд, подкрепляет позицию А. М. Хазанова ссылка на то, что не он один выступает с критикой используемого мной метода реконструкции прошлого состояния человечества по данным этнографии, а также обращение в этом вопросе к авторитету Б. Малиновского (2, стр. 60).

Ведь даже зарубежные исследователи признают, что взгляды Б. Малиновского по вопросу о так называемых пережитках отличаются крайним эмпиризмом и антиисторизмом²¹. Он прямо отвергал возможность реконструкции прошлого состояния общества по его современному состоянию²². Но такая реконструкция нередко является единственным способом проникнуть в глубины времен. И поэтому совершенно неудивительно, что тем методом, который осуждается в статье А. М. Хазанова, успешно пользовались и пользуются многие советские ученые, среди которых можно упомянуть А. М. Золотарева, С. П. Толстова, Ю. П. Аверкиеву.

Привлекаемые мной в качестве доказательств данные фольклористики А. М. Хазанов опровергает несколько иным путем. Прежде всего он приписывает мне мысль, что некогда существовавшие общественные институты нашли свое адекватное отображение в фольклоре. Затем он утверждает, что в приведенных мной примерах такого адекватного соответствия не существует, и на этом основании делает вывод о несостоятельности моей аргументации.

Но всего этого А. М. Хазанову кажется мало, и он обращается к истории этнографии и фольклористики. Как он утверждает, еще в конце XIX в. была продемонстрирована несостоятельность антропологической школы в фольклористике, развивавшей ту же самую идею. И всякие попытки возродить ее неизбежно обречены на провал. Доказательство — ссылка на работу Е. М. Мелетинского «Герой волшебной сказки».

При чтении этого места статьи А. М. Хазанова создается впечатление, что он плохо понял мою точку зрения.

Прежде всего, считая, что некогда существовавшие общественные институты и обычаи могли найти свое отображение в фольклоре, я никогда не рассматривал это отражение как адекватное. По моему мнению, оно с неизбежностью должно было носить во многом иллюзорный характер. Можно говорить лишь о рациональных зернах в легендах, преданиях

²¹ См.: I. C. Jarvie, *The revolution in anthropology*, London, 1964; E. Gellner, *Cause and meaning in social sciences*, London and Boston, 1973, p. 138—143.

²² B. Malinowski, *Scientific theory of culture and other essays*, Chapel Hill, 1944, p. 28—31.

и т. п., использование которых помогает попытке реконструировать отдельные черты прошлого общественного устройства, обычаи, верования и т. д. О таком именно подходе в достаточной степени убедительно свидетельствуют приведенные примеры.

Сама по себе идея отображения некогда существовавших общественных институтов, верований, обычаев в фольклоре и была, и остается глубоко научной. Большую роль в ее разработке сыграла в свое время антропологическая школа. Попытки объявить научно несостоятельной основную ее идею были предприняты лишь представителями различных антиэволюционных течений. В противовес им объективные историки фольклористики всегда отмечали тот крупный вклад в науку, который был сделан «антропологистами»²³. Не отрицал научных заслуг «антропологистов» и Е. М. Мелетинский²⁴. И критиковал он их вовсе не за принятие ими идеи отображения обычаев, верований в фольклоре, а за присущую им ограниченность в трактовке этой идеи, за ошибки, допущенные при конкретном ее применении²⁵. Истинность самой этой идеи бесспорна для большинства советских ученых. На новой методологической основе она получила свою разработку в блестящем труде советского фольклориста В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (Л., 1946), получившем высокую оценку того же Е. М. Мелетинского²⁶. Можно назвать также работы А. М. Золотарева, С. П. Толстова, Б. О. Долгих, Б. А. Рыбакова, Ю. П. Аверкиевой и самого Е. М. Мелетинского.

III

Статья М. В. Крюкова выгодно отличается от двух рассмотренных выше. В ней спор идет по основным вопросам. Правда, к сожалению, отдельные неточности в изложении моей концепции имеются и в данной статье. М. В. Крюков, например, утверждает, что в своей статье я фактически выделяю «три различных этапа родового строя» (стр. 61), связываю переход от второго из них к третьему с превращением потребительской ячейки (сусу или парной семьи) в ячейку хозяйствования и накопления, и отношу к этому последнему этапу аборигенов Австралии. Здесь мне приписана явная бессмыслица. Ведь выходит, что, согласно моей точке зрения, у австралийцев парная семья уже превратилась в ячейку накопления и хозяйствования, т. е. что у них не только начался, но и уже далеко зашел процесс накопления богатств в руках отдельных лиц, процесс становления обособленной собственности и имущественной дифференциации. Но тогда ни о какой «австралийской контроверзе», с моей точки зрения, не может быть и речи. А ведь именно ее разрешению и посвящена значительная часть той самой моей статьи, которую критикует М. В. Крюков. И в ней суть «австралийской контроверзы» определена значительно более четко и ясно: хотя у австралийцев процесс накопления богатств в руках отдельных лиц еще не начался, отцовский род у них уже существовал.

Ошибка М. В. Крюкова связана с тем, что он не обратил должного внимания на то, что в моей статье выделены три разных варианта развития. В одном из них, а именно в том, который находится в центре внимания М. В. Крюкова, — варианте, завершившемся возникновением брачных классов, действительно можно выделить три этапа, но переход от второго из них к третьему никоим образом не связан с превращением парной семьи в ячейку хозяйствования и накопления.

²³ См., например, Д. Коккьяра, История фольклористики в Европе. М., 1960, стр. 451—486.

²⁴ Е. М. Мелетинский, О книге Д. Коккьяра, в кн.: Д. Коккьяра, Указ. раб., стр. 9, 10.

²⁵ Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки, М., 1958, стр. 4, 5.

²⁶ Там же, стр. 7.

Отметив эту неточность, перейдем к сущности возражений М. В. Крюкова против отстаиваемого мной взгляда на возникновение брачноклассовой организации австралийцев. Различие его и моей точек зрения по этому вопросу коренится в принципиально разном понимании сущности брачных классов. М. В. Крюков исходит из того, что брачные классы существуют не только у австралийцев, но и вообще в любом обществе с дуально-родовой организацией. Но в большинстве таких обществ, считает он, брачные классы обозначаются только терминами родства, носящими относительный характер. У австралийцев же брачные классы имели также и абсолютные названия, возникшие позже относительных терминов. Кроме австралийцев, именованные брачные классы существовали и у древних китайцев.

Соответственно с этим перед М. В. Крюковым встают две разные проблемы. Первая — вопрос о том, как возникли сами брачные классы, вторая — вопрос о том, как и почему у некоторых народов наряду с относительными обозначениями брачных классов возникли и абсолютные их наименования. Так как брачные классы, как понимает их М. В. Крюков, существовали не только у австралийцев, но и у народов как с одним лишь материнским, так и с одним лишь отцовским родом, то вполне понятно, что проблема их происхождения не имеет никакого отношения к вопросу о переходе от материнской филиации к отцовской вообще и к австралийской контроверзе в частности. Согласно мнению М. В. Крюкова, четыре брачных класса возникли в результате пересечения деления на поколения с делением на экзогамные половины дуально-родовой организации. Они не требуют для своего появления существования в обществе двух противоположных филиаций — материнской и отцовской. Обращаясь ко второму вопросу, М. В. Крюков принимает то его решение, которое было предложено Э. Сервисом. Последний объяснял возникновение абсолютных названий брачных классов австралийцев подвижностью групп аборигенов. И в такой постановке этот вопрос тоже не имеет никакого отношения к австралийской контроверзе. Но верна ли сама эта постановка?

По моему мнению, развиваемое в статье М. В. Крюкова понимание сущности брачноклассовой организации ошибочно. Правильное решение рассматриваемой проблемы можно дать лишь исходя из правильного понимания отношения между социальными явлениями, с одной стороны, и обозначающими их терминами — с другой. Термин есть выражение понятия. Понятия же — своеобразные образы, снимки действительности. Отсюда вытекает, что не возникновение понятия вызывает к жизни соответствующее социальное явление, а, наоборот, возникновение социального явления влечет за собой появление отражающего его понятия и соответственно обозначающего его термина. Будучи субъективными по форме, понятия объективны по своему содержанию. Их содержание — отображаемая ими действительность. И поэтому причину различий в характере понятий, отражающих те или иные явления, следует искать в различии самих явлений.

Различие, которое подметили в упоминаемой М. В. Крюковым статье А. Ромни и Е. Эплинг между классификационными терминами родства, с одной стороны, и названиями брачных классов, — с другой, есть различие не только между выражаемыми ими понятиями, но и прежде всего между обозначаемыми ими социальными явлениями. Пытаясь определить отличие относительных терминов родства от абсолютных названий брачных классов, названные авторы по существу, сами того четко не осознавая, указывают на различие между двумя типами социальных группировок. Как явствует из приведенной М. В. Крюковым цитаты, абсолютность наименования брачного класса они видят в том, что оно обозначает группу, к которой человек принадлежит от рождения до самой смерти.

И различие между социальными группировками, которые можно было бы назвать относительными, и такими, которые можно обозначить как абсолютные, существует реально. Относительными являются такие группировки людей, которые выступают по-разному в отношениях к разным такого же рода группировкам. И так как члены данной группировки выступают в отношениях к членам разных такого же рода группировок не в одном и том же качестве, а в разных качествах, последние применяют для их обозначения не один и тот же термин, а разные термины. Относительность терминов, применяемых для обозначения членов данной группировки, коренится, таким образом, в относительном характере самой группировки. Не потому она относительна, что для ее обозначения применяются относительные термины, а, наоборот, относительные термины применяются для ее обозначения потому, что она сама относительна. Примерами относительных группировок могут послужить те группы, или, как их иногда называют, классы, на которые делились родственники в родовом обществе. Соответственно относительными являются и обозначающие их классификационные термины родства.

Абсолютной является такая группа, члены которой выступают в одном и том же качестве по отношению как друг к другу, так и к членам других таких же групп. И в силу абсолютности группы абсолютен и термин, применяемый для обозначения как самой группы, так и ее членов. Ярким примером абсолютной группы может быть род. Член рода Орла выступает как таковой и в отношении к членам своего рода, и в отношении к членам других родов.

Абсолютными группами являются и брачные классы австралийцев. Член брачного класса Мури — Мата выступал как таковой и в отношении к членам своего класса, и в отношении к членам остальных трех классов. И в этом заключается качественное отличие брачных классов австралийцев и китайцев от групп родственников, существующих у всех народов с дуально-родовой организацией. Последние — группировки не абсолютные, а относительные. И это реальное различие игнорирует М. В. Крюков. Он видит лишь терминологическое различие, не замечая его объективной основы.

Одна из причин, помешавших М. В. Крюкову увидеть объективное различие между «именованными брачными классами» и «неименованными брачными классами», заключается в том, что люди, образовавшие брачный класс с абсолютным названием, всегда одновременно составляли и относительную группировку родственников, обозначаемую относительными терминами родства. Это и привело его к выводу, что абсолютные названия и относительные термины суть различные обозначения одной и той же группировки людей.

Однако одна и та же совокупность людей совершенно не обязательно должна представлять собой одну и только одну социальную группировку. Например, одна и та же совокупность детей может одновременно быть и школьным классом, и пионерским отрядом, и ученической бригадой. И в данном случае мы имеем дело не с тремя названиями одной и той же организации, а с тремя разными организациями, состоящими из одних и тех же людей. Именно существование трех организаций и объясняет нам наличие трех различных обозначений одной и той же совокупности людей.

Подобно этому и у аборигенов Австралии одни и те же люди входили в состав двух качественно отличных социальных группировок — абсолютной (брачный класс) и относительной (группа родственников). И существование у австралийцев двух разных социальных группировок, объединяющих одних и тех же людей, объясняет нам бытование у них для обозначения данной совокупности людей наряду с относительными терминами родства также и абсолютные названия. Что же касается подавляющего большинства народов с дуально-родовой организацией, то у

них те же самые совокупности людей были группировками только относительно. Именно поэтому они не имели абсолютных названий и обозначались исключительно относительными терминами родства.

Уже из того, что брачные классы существовали не у всех народов с дуально-родовой организацией, а только у некоторых из них, следует, что их становление представляет собой процесс, отличный от возникновения совпадающих с ними по составу относительных группировок родственников. И поэтому все, что сказано М. В. Крюковым о происхождении «неименованных брачных классов», независимо от того, насколько это соответствует действительности, не имеет отношения к генезису «именованных брачных классов», т. е. настоящих брачных классов. А предлагаемое им объяснение возникновения «именованных брачных классов», в котором их генезис сводится к появлению наряду с относительными терминами абсолютных названий, методологически ошибочно. Ведь если его принять, то получится, что возникновение абсолютных группировок было результатом появления абсолютных терминов. В действительности же только возникновение абсолютных группировок могло повлечь за собой появление абсолютных терминов.

Становление брачных классов есть формирование особого рода абсолютных группировок, отличных от классов родственников, являющихся группировками относительными. Именно из такого взгляда я исходил, создавая схему становления брачноклассовой организации австралийцев. Она находится в полном соответствии с тем воззрением на брачные классы австралийцев, которого придерживалось большинство исследователей, занимавшихся этой проблемой. Они считают, что брачные классы это такие группы, которые возникли в результате наложения отцовской филиации на материнскую. Но самое главное, моя схема находится в полном соответствии со всеми имеющимися данными. М. В. Крюков, несмотря на все усилия, не смог привести ни одного факта, который бы находился с ней в противоречии. Действительно, рассмотрим все его конкретные возражения.

М. В. Крюков объявляет ошибочным содержащееся в моей статье утверждение, что у большинства австралийских племен, имевших систему четырех брачных классов, мужская и женская часть каждого из них терминологически различались. И в качестве доказательства он приводит данные, относящиеся к 71 племени, из числа которых, как он сам же указывает, 41 терминологически различало мужскую и женскую части и только 30 не различали (стр. 83, 84). Вот уж поистине, выражаясь словами самого же М. В. Крюкова, «нужно быть очень увлеченным своей гипотезой, чтобы не увидеть этих очевидных фактов!»

Но главное не в этом. Предположим, что в этом вопросе М. В. Крюков оказался бы прав. Явилось ли бы это аргументом против предлагаемой мною схемы возникновения системы четырех брачных классов? Ни в коем случае. Терминологическое различение мужской и женской частей брачного класса не играет в ней сколько-нибудь существенной роли. Как явствует из моей статьи, это всего лишь мелкая деталь (1, стр. 67). Наличие такого различия является дополнительным доводом в пользу моей концепции. Именно поэтому оно и упомянуто. Но даже полное отсутствие такого различия ни в малейшей степени не находилось бы в противоречии с предложенной мной схемой. Последняя не предполагает с необходимостью существования этого различия.

Второе возражение: Ю. И. Семенов связывает возникновение брачных классов с бродячим образом жизни, но следы таких классов зафиксированы в памятниках китайской письменности середины I тысячелетия до н. э., спустя по крайней мере пять тысячелетий после того, как предки китайцев перешли к оседлой земледельческой жизни. М. В. Крюков, как явствует из его статьи, относит появление «именованных брачных классов» у китайцев к периоду между V и I тысячелетиями до н. э. Тем са-

мым он вступает в непримиримое противоречие со своей же собственной точкой зрения по этому вопросу, согласно которой появление абсолютных терминов связано с бродячим образом жизни. Но, опровергая сам себя, М. В. Крюков ни в малейшей степени не затрагивает моей точки зрения. Я никогда не утверждал, что брачные классы у китайцев возникли в период между V и I тысячелетиями до н. э. По моему мнению, это произошло раньше, скорее всего в мезолите, когда предки китайцев еще вели бродячий образ жизни.

М. В. Крюков считает, что социальная структура яншаоского общества (конец V тысячелетия до н. э.) соответствует «второму этапу развития родового общества в его оседлом варианте» (стр. 64). Насколько можно понять из этого, он придерживается мнения, что каждая община яншаоского общества состояла из двух взаимобрачающихся материнских родов. Однако приведенные им данные, свидетельствуя о существовании у яншаосцев дуально-родовой организации, сами по себе взятые, еще ничего не говорят о характере филиации. Если мы будем исходить из того, что единственное крупное здание в каждом селении было мужским домом, то более логичен вывод, что все мужчины селения принадлежали к одному роду, а не к двум разным. В противном случае следовало бы ожидать существования в селении не одного, а двух мужских домов. Социальная организация яншаоского общества скорее всего была сходной с той, что мы находим у тех групп папуасов Новой Гвинеи, у которых селение состояло из одного большого мужского дома и нескольких небольших жилищ, где жили женщины и дети.

Далее. Самым слабым звеном в моей схеме М. В. Крюков объявляет толкование института мужских инициаций как оформления перехода мальчиков из детской подгруппы женско-детской группы в мужскую группу своего рода. Рассматривая это толкование как абсолютно новое в этнографической литературе, М. В. Крюков противопоставляет ему интерпретацию инициаций как приобщение к роду, как «социальное рождение» членов рода. Но во-первых, в нашем толковании инициаций ничего чрезмерно нового нет. Оно не только не противоречит, но, наоборот, в основном согласуется с тем, что является общепризнанным в этнографической литературе. Достаточно сослаться хотя бы на статью в «Советской исторической энциклопедии», где инициации определяются как «универсально распространенная в родовом обществе система обычаев, связанная с переводом юношей и девушек в возрастную класс взрослых мужчин и женщин»²⁷. Во-вторых, оно не находится в непримиримом противоречии с интерпретацией, предлагаемой М. В. Крюковым. Переход из детской подгруппы женско-детской группы в мужскую группу своего рода означал «социальное рождение» мальчика как члена рода.

И наконец, М. В. Крюков ставит передо мной вопрос: существовало ли в обществе на стадии, предшествовавшей, по моему мнению, возникновению брачноклассовой организации, разграничение поколений? Допущение того, что оно не существовало, находится, по мнению М. В. Крюкова, в противоречии с данными науки. Современной этнографии неизвестны народы, в системе родства которых так или иначе не проводилось бы разграничение поколений. Но если такое различие в рассматриваемом обществе проводилось, то уже тем самым, согласно взгляду М. В. Крюкова, в нем существовала и система брачных классов.

Все эти возражения бьют мимо цели. Как мы уже видели, относительные группировки родственников в обществах с дуально-родовой организацией, которые М. В. Крюков именует брачными классами, и подлинные брачные классы представляя собой явления, качественно отличные друг от друга. Возникновение первых не есть появление вторых. В моей статье из этих двух проблем рассматривается лишь одна — вопрос о

²⁷ «Советская историческая энциклопедия», т. 6, стлб. 36.

происхождении брачных классов. Другой проблемы я не затрагиваю.

Вопрос о том, почему и как возникло разграничение поколений у народов с дуально-родовой организацией, но без брачных классов, относится к числу сложных. В частности, сам М. В. Крюков никакого ответа на него не дает, несмотря на всю ту важность, которую он придает этому явлению в своих теоретических построениях. Одно из возможных решений этого вопроса было предложено мной несколько лет назад²⁸, однако оно нуждается в дальнейшей разработке и обосновании. И пока эта проблема не будет решена, невозможно будет дать ответ на вопрос: возникло ли разграничение поколений у народов с брачноклассовой организацией только вместе с этой организацией, или же оно существовало и до ее появления? Данные, на которые ссылается М. В. Крюков, сами по себе не свидетельствуют ни в пользу одного, ни в пользу другого решения вопроса. Если даже принять за совершенно достоверный факт, что разграничение поколений проводится в системах родства всех народов, изученных этнографией, то из него никак еще не следует, что оно проводилось всегда, на всех этапах эволюции первобытного общества. Но самое, пожалуй, главное: ни то, ни другое решение вопроса не находится в противоречии с предложенной мной схемой происхождения брачных классов. Различение поколений могло возникнуть как до появления брачных классов, так и вместе с ними. Это ничего не меняет в схеме.

Таким образом, М. В. Крюков не смог привести ни одного довода, который ставил бы под сомнение изложенную в критикуемой им статье концепцию генезиса брачноклассовой организации. Последняя находится в соответствии со всеми имеющимися в распоряжении науки фактами.

ONCE MORE ON THE MATRILINEAL GENS AND MARRIAGE CLASSES

The article is the last in the prolonged discussion begun by the present author's paper «The problem of transition from the matrilineal to the patrilineal gens (an attempt at theoretical analysis)» («Sovetskaya Etnografia», 1970, № 5). A reply is given to M. V. Kryukov («Sovetskaya Etnografia», 1974, № 3), M. A. Tchlenov and A. M. Khazanov («Sovetskaya Etnografia», 1974, № 6). The author points out that, contrary to the assertions of M. A. Tchlenov, nothing in his articles resembles a system of proof on the principle of a vicious circle: the truth of his conception is substantiated by facts, and only by facts. And, in the author's opinion, his opponents have proved unable to adduce a single fact that could cast a doubt on his concept which is in complete agreement with all the material available to science. M. A. Tchlenov's statement in his latest article about a shift from the patriarchal to the maternal clan having taken place among the Rejangs is erroneous: M. Jaspen's work shows that no maternal clan has arisen among the Rejangs. The author criticizes M. Kryukov's thesis that marriage classes existed among all peoples having a dual-clan organization. It is shown that there is a fundamental qualitative difference between marriage classes and the kinship groups (composed of the same members) that occur among all peoples possessing a dual-clan organization.

²⁸ См. Ю. И. Семенов, Рецензия на кн. «Social life of early man», N. Y., 1961, «Вопросы антропологии», вып. 14, 1963, стр. 119.

ОТ РЕДАКЦИИ. В вопросе об историческом соотношении материнского и отцовского рода заметное место принадлежит так называемой «австралийской контроверзе» — причинам раннего появления отцовского рода у многих племен Австралии. Поэтому значительный интерес представляет гипотеза Ю. И. Семенова, по которой возникновение у австралийцев, наряду с первоначальным материнским, отцовского рода было вызвано длительным существованием у них бродячего образа жизни. Проведенный на страницах журнала обмен мнениями показал, что «австралийская контроверза» все еще требует дальнейшего исследования, однако редакция надеется, что дискуссия внесла свой вклад в разработку одного из существенных вопросов развития родовой организации.